

# Николай Ивановичъ Пироговъ.

Его жизнь и дѣятельность

(13 ноября 1810 года—13 ноября 1910 года).

Д-ра М. Назанскаго.

(Продолженіе).

Въ 1861 г. въ „Морскомъ Сборникѣ“ Пироговъ печатаетъ обширную и поучительную статью „Объ уставѣ новой гимназіи, предполагаемой проектомъ преобразованія Морскихъ учебныхъ заведеній“.

Пироговъ говоритъ, что «наши закрытыя воспитательныя учебныя заведенія не достигаютъ той нравственной цѣли, для которой учреждаются: могучее вліяніе окружающей школы жизни проникаетъ и чрезъ стѣны закрытыхъ заведеній. Подъ обаяніемъ этой жизни находятся и воспитатели, и наставники, и воспитанники. Какъ бы ни старались уберечь отъ этого вліянія наши закрытыя заведенія, жизнь общества беретъ свое и отражается на воспитанникѣ и на воспитателѣ, со всѣми ея и худыми и хорошими сторонами». Этимъ не отвергается «благое вліяніе школы на новое поколѣніе, на жизнь нашего общества»; но «жизнь, уже сложившаяся до школы, несравненно могучѣе вліяетъ на школу, чѣмъ школа на жизнь».

Говоря о бесполезности закрытыхъ заведеній у насъ, Пироговъ высказываетъ:

«Кому не извѣстно, какъ трудно въ воспитаніи сохранить полное равновѣсіе между внѣшней и внутренней, самой существенной его стороною? Кто не знаетъ, какъ легко внѣшнее и обрядное въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ беретъ перевѣсъ надъ внутреннимъ, заглушая его безпоощадно? Кто, знакомый съ натурой молодежи, не знаетъ, какъ она враждебно смотритъ на внѣшнія стѣсненія, когда они имѣютъ цѣлью одно только соблюденіе формы? Она переноситъ эти стѣсненія, но скрѣпя сердце и затаивъ въ глубинѣ души протестъ и не-

удовольствіе. И чѣмъ больше молодежь развита, чѣмъ болѣе умъ ея направленъ на серьезныя научныя занятія, тѣмъ не охотнѣе она покорится формальности.—Это лежитъ въ натурѣ вещей, и это направленіе молодыхъ умовъ можно подавить дисциплинарной строгостью, но уничтожить нельзя. Никого, даже ребенка, нельзя убѣдить безъ насилія, что вѣчная правда требуетъ непременно точнаго исполненія всѣхъ условій и всѣхъ постановленій обрядной стороны жизни».

«Какихъ же слѣдствій должно ожидать для развитія характера, воли и чувства правды, если, желая молодыхъ людей воспитать научно и нравственно въ закрытыхъ заведеніяхъ, мы по необходимости будемъ, съ одной стороны, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія дисциплинѣ и обряду, а съ другой стороны, вмѣсто убѣжденія, дадимъ затаиться въ юной душѣ притворству и скрытности или ропоту и протесту?» восклицаетъ Н. И. Пироговъ.

„Помня и любя время пребыванія въ 4-хъ университетахъ“, Пироговъ съ особеннымъ интересомъ и любовью относится къ университету, посвящая ему цѣлый рядъ статей, которыя и до нынѣ читаются съ захватывающимъ интересомъ, какъ полныя самой животрепещущей нашей современности, не смотря на то, что онѣ написаны 50 лѣтъ назадъ!

Еще будучи въ Одессѣ, Пироговъ въ 1858 г. написалъ статью, посвященную университетскому вопросу: „Чего мы желаемъ?“ Статья эта дала толчекъ къ обсужденію университетскаго вопроса въ современныхъ изданіяхъ.

Еще болѣе возбудила интересъ въ обществѣ вторая статья Н. И. Пирогова: „Взглядъ на общій уставъ нашихъ университетовъ“, напечатанная въ 1861 году.

Тогда поднятъ былъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія вопросъ объ изданіи новаго университетскаго устава.

Уже по оставленіи должности Попечителя Кіевскаго Округа Н. И. Пироговъ въ 1862 г. въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечаталъ свои поучительныя „Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ“, признавая „для самаго дѣла полезнымъ узнать путемъ гласности всѣ возраженія, какія на нихъ будутъ сдѣланы“.

Въ 1863 г. Пироговъ отдѣльной брошюрой печатаетъ полную живѣйшаго интереса статью „Университетскій вопросъ“, какъ дополненіе къ прежнимъ „Замѣчаніямъ“.

Составители примѣчаній къ сочиненіямъ Н. И. Пирогова сообщаютъ, что въ официальномъ изданіи Министерства народнаго про-



свѣщенія о проэктѣ Университетскаго устава (1863 г.) напечатано: «Изъ всѣхъ, высказанныхъ по поводу проэкта мнѣній, какъ русскими, такъ и иностранными педагогами, наибольшей извѣстностью и полнотою и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшею глубиною и гуманностью взгляда отличается мнѣніе члена главнаго правленія училищъ Николая Ивановича Пирогова. Едва-ли между педагогами найдется лицо, которое было-бы болѣе компетентно въ вопросѣ университетской реформы, чѣмъ нашъ знаменитый авторъ «Вопросовъ жизни», которое-бы лучше его знало какъ достоинства, такъ и недостатки нашихъ университетовъ и въ научномъ и въ административномъ отношеніи. Поэтому, мнѣніе Н. И. Пирогова, не смотря на нѣкоторую идеальность его взгляда, въ которой онъ самъ отчасти сознается, заслуживаетъ особеннаго вниманія и изученія».

Въ своихъ статьяхъ по Университетскому вопросу Н. И. Пироговъ прежде всего выясняетъ исторію университетовъ, «опредѣляя перемѣны въ учрежденіяхъ ихъ тремя періодами: родились университеты подѣ влияніемъ умственной силы передовыхъ личностей, развились и окрѣпли подѣ защитой правительствъ и, наконецъ, на ряду съ другими государственными учрежденіями, подчинились механизму бюрократической централизаціи».

«Воспитаніе послѣ религіи—самая высокая сторона нашей общественной жизни. Основа воспитанія—наука; въ ней самой—великая воспитывающая сила».

«Общество только тогда и начинаетъ жить, а не просто расти, когда все, чѣмъ оно живетъ: языкъ, вѣра, обычай, преданіе—слагаются въ науку». «Такъ за наукою, по этому договору, остается законодательная, и судебная, и всякая другая власть, со всѣми правами, кромѣ кулачнаго. Для изученія этой-то законодательной власти науки общество и обязано основывать особыя учрежденія. Это учрежденіе есть Университетъ».

«Загруждать большинству входъ въ университеты регламентаціей, экзаменами въ самомъ университетѣ, обязательными курсами и т. под. и для государства, и для общества, и для самого университета положительно вредно».

Пусть учится только тотъ, кто хочетъ учиться.

«Идеально-нормальное состояніе просвѣщенія въ обществѣ было-бы то, если бы всѣ, безъ различія, однимъ путемъ вступали въ жизнь: путемъ (послѣ общаго гимназическаго курса) широкимъ—университетскимъ, слѣдуя одному, избранному въ университетѣ, пути, и если въ настоящее время это не осуществимо, то «должно по крайней

мѣрѣ сохранить въ чистотѣ духъ истинно-университетскаго образованія, отдѣливъ его гуманно-реальное направленіе отъ направленія чисто-реального».

Пироговъ останавливается на 4-хъ направленіяхъ, бывшихъ въ университетахъ въ разныя времена, у разныхъ народовъ и государствъ: 1) духовно-церковный, 2) народный (національный), 3) филантропическій и 4) научно-образовательный.

Организацію нашихъ университетовъ Пироговъ выдѣляетъ отъ заграничныхъ въ такихъ словахъ:

«Нашъ университетъ отличается отъ средне-вѣковаго англійскаго тѣмъ, что онъ нисколько не церковный, не корпоративный, не общественный, не воспитательный. Нашъ университетъ похожъ на французскій только тѣмъ, что въ него внесень,—и еще сильнѣе и оригинальнѣе,—бюрократическій элементъ. Наконецъ, нашъ университетъ еще менѣе похожъ на германскій, который служилъ ему образцомъ, потому что въ нашемъ нѣтъ самаго характеристичнаго: полной свободы учить и учиться и стремленія научнаго начала преобладать надъ прикладнымъ и утилитарнымъ».

Между прочимъ Пироговъ высказывается противъ «слишкомъ большого числа различныхъ ученыхъ степеней, съ необходимыми для достиженія ихъ испытаніями». «Къ чему,—говоритъ Пироговъ,—служить это болѣе бюрократическое, нежели научное различіе ученыхъ степеней: дѣйствительныхъ студентовъ, кандидатовъ, магистровъ, докторовъ, врачей, докторовъ медицины, докторовъ медицины и хирургіи?»

Высказываясь за «коллегіальное управленіе» въ университетахъ,—Пироговъ говоритъ: «когда при успѣхахъ просвѣщенія и гласности, конкурсы и выборы достигнутъ, наконецъ, того, что профессорскія мѣста будутъ замѣнены настоящими представителями науки, то тогда усиленная автономія факультета и совѣта увеличить соревнованіе, возбудить самодѣятельность и возвысить наши университеты въ глазахъ учащихъ и цѣлаго общества».

«Для преобразованія нашихъ университетовъ,—говоритъ Пироговъ,—нужно обратить все вниманіе на предварительное образованіе главныхъ дѣятелей нашей науки». Необходимо «учрежденіе особыхъ, постоянныхъ институтовъ преподавателей при нашей академіи наукъ и при нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетовъ, постоянное обновленіе университетовъ свѣжими силами, совершенно свободный способъ ученія».

«Необходима и образовательная сила дѣятелей науки».

«Если обязательный способъ ученія Оксфордской и Кембриджской коллегій развилъ высокія личности, то не забудемъ,—говоритъ

Пироговъ,—что образовательную силу Англии должно искать не въ однихъ ея университетахъ, а въ ея конституціи и ея не подражаемомъ самоуправленіи».

«Главная немощь нашихъ Университетовъ,—говоритъ Пироговъ,—состоитъ въ недостаточномъ обновленіи и оживленіи интеллектуальныхъ силъ университета, дающая поводъ къ квіэтизму и непотизму въ средѣ профессоровъ».

Въ цѣляхъ устраненія этихъ отрицательныхъ сторонъ университета Пироговъ предлагаетъ: періодическую баллотировку въ срединѣ службы, требованіе научныхъ работъ, составленіе учебниковъ, а главное—широкую конкуренцію и организацію свободной доцентуры, параллельные курсы съ свободнымъ выборомъ, публичныя лекціи.

Чтобы сдѣлать университетскую организацію сильной, прогрессивной и производительной, необходимо именно у насъ дать университету настоящую самостоятельность, и нужно поставить его внѣ всего іерархическаго строя». «Права (университетской) корпораціи—въ свободѣ мысли и слова. Ея сила—въ силѣ правды». «Университетъ, поставленный внѣ таблицы о рангахъ, не потеряетъ своего достоинства». «Автономія въ широкихъ размѣрахъ можетъ быть дана только университету децентрализованному».

Высказываясь за автономію Совѣта университета, Пироговъ пишетъ: «Отъ ослабленія власти и правъ совѣта, отъ его малой самостоятельности происходятъ у насъ и безпорядки между студентами, потерявшими довѣріе и уваженіе къ совѣту. Безъ этой автономіи не возможно и процвѣтаніе университета и его научно-нравственное вліяніе на цѣлое общество».

По поводу университетскихъ безпорядковъ Пироговъ говоритъ:

«На дѣлѣ,—и это не многіе знаютъ,—университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ, болѣе, чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени».

«Въ университетѣ—два рода представителей: одни представляютъ степень просвѣщенія и зрѣлости общества; другіе—его молодость, его нужды, потребности, направленіе, взгляды, увлеченія, страсти, пороки»... «Чего нѣтъ въ университетѣ, того или нѣтъ въ обществѣ или то спитъ и не живетъ духовно»... «Общество бидно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. Университетъ есть и лучший барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за

это его нельзя разбивать или прятать,—лучше все-таки смотреть, и, смотря по времени, действовать».

«Въ наукѣ есть свои повороты и перевороты; въ жизни—свои; иногда и тѣ и другіе сходятся; но всѣ переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на наукѣ, а чрезъ нее—и на университетѣ».

«Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко чрезъ всѣ слои общества,—говорить Пироговъ,—они уже неясно отражаются на университетѣ. Но чѣмъ болѣе настаиваютъ они общество врасплохъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ, тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ. Во Франціи едва слышно про него, во время политическихъ реформъ. Въ тѣхъ частяхъ Германіи, гдѣ бытъ общества открыты и установлены, студенты живутъ средневѣковой жизнью и не мѣшаются въ политику, предоставивъ ее другой сферѣ; общество не мѣшается въ студенческія коммерши, дуэли и стычки съ кнотами. Напротивъ, у насъ,—едва общество почувствовало новыя стремленія, и тотчасъ-же появились рефлексивныя движенія въ университетѣ. Но отражательныя движенія не могли быть цѣлесообразны и потому они перешли въ беспорядки».

Одной изъ существенныхъ мѣръ къ устраненію «беспорядочныхъ рефлексовъ» со стороны студентовъ Пироговъ считаетъ «моральное вліяніе профессорской коллегіи, обновленной чрезъ автономію». Но для успѣха дѣла,—говоритъ Пироговъ,—«коллегія должна прежде всего возстановить свое нравственное вліяніе, а чтобы возстановить его, одной автономіи мало; требуются свойства, въ наше время рѣдкія: самоотверженіе, безъ котораго нельзя имѣть дѣла со студентами,—справедливость и безпристрастіе, которыя высоко цѣнятся молодежью,—любовь и уваженіе къ молодости, безъ которыхъ зрѣлый человѣкъ не вѣрно судить, теряетъ терпѣніе и ожесточается, смотря на проступки незрѣлаго».

Н. И. Пирогова особенно занимаютъ отношенія университета къ государству, обществу и наукѣ.

«Если эти отношенія,—говоритъ онъ,—должны опредѣляться стремленіями высшими и болѣе духовными, то университетъ, для сохраненія своего истиннаго значенія, требуетъ непременно полной свободы научнаго разслѣдованія и ученія. Но эта свобода легко рождаетъ въ государствѣ и обществѣ непріязненные взгляды на дѣятельность университета и онъ легко заподозрѣвается въ стремленіяхъ, противныхъ принятому порядку вещей. Рождаются недоразумѣнія и взгляды, вредныя для жизни и будущности университета».

«Съ другой стороны, если при существованіи университета свобода научнаго разслѣдованія признается опасною для его спокойствія и порядка въ обществѣ и потому ограничивается различными мѣрами, то она, какъ жизненный атрибутъ науки, проявляется путемъ скрытымъ и противозаконнымъ. А это развиваетъ въ дѣятельности университета стремленія еще болѣе опасныя, нерѣдко антинаучныя».

«Прямое назначеніе нашихъ университетовъ—это быть маяками, разливать свѣтъ на большія пространства и потому стоять высоко и свѣтить». «У насъ никто болѣе самого университета не могъ бы развить общественное мнѣніе, если бы онъ взялъ на себя обязанность разъяснять обществу всѣ интересующіе его вопросы, которыхъ теперь немало».

«Мирить, уяснить и способствовать распространенію здравыхъ понятій о значеніи университета и его отношеніяхъ, я считаю обязанностью каждаго благонамѣреннаго человѣка», говоритъ Н. И. Пироговъ. «Нужно все употребить, чтобы сблизить общество съ университетомъ и развить общественное мнѣніе, необходимое для его жизни. Всѣ мѣры, однакоже, безъ гласности будутъ непрочны».

«Гласность въ университетскихъ дѣлахъ и съѣзды профессоровъ у насъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимы, если мы хотимъ развить общественное мнѣніе нашего духовнаго микрокосма». «Автономія безъ гласности не мыслима; безъ гласности она не устоитъ противъ своего начала, выродится и вынесетъ на свѣтъ одни недостатки».

«Также не мыслимъ автономическій университетъ и безъ общественнаго мнѣнія учащихся».

Вотъ программа университетской реформы, какую предлагаетъ Н. И. Пироговъ:

„Децентрализація университета, разнообразность реформнаго эксперимента, неразрывная связь научнаго начала съ прикладнымъ и учебнымъ, усиленное значеніе того или другого и направленіе, приспособленное къ мѣстнымъ условіямъ,—университетъ самостоятельный, но не іерархическій,—автономія при рациональномъ контролѣ, свобода учить и учиться,—доцентство для привлеченія свѣжихъ силъ, при гласности и общественномъ мнѣніи, какъ оппозиція застою и nepотизму,—свободная конкуренція и конкурсъ, какъ средство къ развитію доцентства и оцѣнки научныхъ заслугъ,—вознагражденіе по личнымъ достоинствамъ, а не по должностямъ, улучшение матеріальной стороны университетскаго быта,—раздѣленіе званія отъ должности,—обсужденіе университетскихъ дѣлъ въ высшей инстанціи не только путемъ бюрократическимъ, но и путемъ науки,—зависимость нравственнаго значенія университета отъ нрав-

ственного состоянія общества, развитіе уваженія къ факту, какъ задача университета“.

Говоря объ университетской реформѣ, Н. И. Пироговъ указываетъ на необходимость одновременнаго преобразованія нашей системы просвѣщенія и снизу, начиная съ училищъ.

Въ автобіографіи, писанной за годъ до смерти, Н. И. Пироговъ говоритъ: «Въ своей педагогической дѣятельности я преимущественно заботился о соглашеніи школы съ жизнью, о свободѣ научнаго разслѣдованія, о возбужденіи въ учащихся и учащихся уваженія къ человѣческому достоинству и истинѣ».

И это Пироговъ доказывалъ на каждомъ шагѣ собственнымъ примѣромъ. Какой необыкновенной простотой и доступностью отличались его отношенія къ учащимъ и учащимся! При посѣщеніи гимназій онъ оставался одинъ съ учителемъ и учениками, не желая имѣть посредниковъ въ лицѣ директора, полагаясь лучше на свое собственное впечатлѣніе. При своихъ посѣщеніяхъ, о которыхъ заранѣе обыкновенно никто не зналъ, Пироговъ обращался къ первому, попавшемуся ему на встрѣчу въ корридорѣ гимназій лицу, узнавалъ отъ него, гдѣ какой классъ; путеводитель доводилъ посѣтителя до дверей и уходилъ, такъ какъ Пироговъ отворялъ двери самъ; въ классѣ садился на свободную парту и, запрягавъ руки въ широкіе рукава сюртука, слѣдилъ за урокомъ, предлагалъ вопросы, любилъ вызывать учениковъ на разсужденія... Скоро гимназисты полюбили этого «суроваго и жесткаго человѣка» и относились къ своему высшему начальнику съ «свободнымъ, искреннимъ уваженіемъ».

А вотъ еще поучительный примѣръ простоты и доступности попечителя Пирогова.

Въ Екатеринославскомъ училищѣ пришлось Пирогову переночевать у учителя. «Я попоилъ,—разсказываетъ учитель,—чайкомъ своего высокаго гостя, угостилъ—чѣмъ Богъ послалъ, а затѣмъ сталъ хлопотать, какъ-бы поудобнѣе устроить ему ночлегъ».

«Пожалуйста, не беспокойтесь; я лягу на полу»,—замѣтилъ Николай Ивановичъ,—да и сами ложитесь здѣсь. Побесѣдуемъ, пока заснется».

«Какъ много интереснаго и полезнаго узналъ я за эту ночную бесѣду отъ великаго педагога,—добавляетъ съ восторгомъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. И. Пироговѣ екатеринославскій учитель.

Указомъ отъ 13 марта 1861 г. „попечитель Кіевскаго учебнаго округа т. сов. Пироговъ, по разстроенному здоровью, уволенъ

отъ сей должности, съ оставленіемъ членомъ главнаго правленія училищъ“.

Въ своей автобіографіи, въ 1880 г., 70-лѣтній Пироговъ пишетъ по поводу своей службы въ Кіевѣ: «Мнѣ предложено было мѣсто попечителя Кіевскаго округа въ самое критическое время, въ началѣ развитія польскаго возстанія. Въ Кіевѣ выпали на мою долю новыя трудности и столкновенія. Я отстаивалъ мой коренной принципъ, по которому попечитель обязанъ оказывать на учащихся и учащихъ одно лишь нравственное вліяніе и быть охранителемъ закона въ университетѣ; другія-же власти желали навязать мнѣ тайно-полицейскій надзоръ, то есть, именно ослабить мое нравственное значеніе въ глазахъ учащихся и учащихъ; не помогли ни протесты, основанные на явныхъ, доказывающихъ вредъ навязываемыхъ мнѣ функций, фактахъ, ни то, что въ теченіе моего двухлѣтняго управления, не смотря на возбужденное состояніе умовъ, не было ни одной серьезной студенческой демонстраціи, безспрестанно случавшихся тогда въ другихъ университетахъ... Наконецъ, клеветѣ удалось очернить меня, гдѣ слѣдуетъ, и я долженъ былъ оставить мой постъ, не смотря на мою рѣшимость и увѣренность удержать необдуманнй порывъ учащейся молодежи въ взволнованномъ политическими интригами краѣ».

Предъ отъѣздомъ изъ Кіева Н. И. Пироговъ, при прощаніи съ представителями различныхъ учрежденій, произносилъ рѣчи, въ которыхъ высказывалъ свои задушевные мысли и волновавшія его чувства.

Въ рѣчи, обращенной къ представителямъ Кіевскаго учебнаго округа 4 апрѣля 1861 г., Пироговъ говорилъ: „Я понялъ, что вы, глядя на жизнь, науку и школу, не смотрите на каждую изъ трехъ, какъ на что-то отдѣльное и замкнутое, какъ на что-то, чѣмъ каждый изъ васъ можетъ распоряжаться по произволу, не обращая вниманія на ихъ взаимную органическую связь“.... „Понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы всѣ, какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и старикѣ, не уважать человѣческое достоинство, нравственную свободу человѣческаго духа и личность?“

При прощаньи со студентами Кіевскаго университета, Пироговъ между прочимъ говорилъ: „Кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различать и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству“. „Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между

вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости также, какъ и всѣ другія высокія стремленія духа. Наконецъ, вы,—думаю,—увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей“.... „Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, что бы, состарившись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость“.

«Если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ свою жизнь моею довѣріе, любовь и уваженіе къ вашей молодости. А я, разставаясь съ вами, прежде чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣрнымъ своимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастья, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ». (Стр. 808—824).

Какимъ огромнымъ вліяніемъ пользовался попечитель Пироговъ среди студентовъ, можно видѣть изъ словъ профессора Кіевскаго университета Селина:

«Васъ можетъ обрадовать,—говорилъ Селинъ въ прощальной рѣчи Пирогову,—такое знаменательное событіе, которому не было подобнаго втеченіе 16-лѣтней службы говорящаго. Когда разнеслась горестная вѣсть: «Н. И. Пирогова не будетъ съ нами!»—студенты университета, всегда дѣлившіеся на самые разнородные станы, какою-то невѣдомою силой вдругъ сливаются въ единую семью! Великороссіяне, малороссы, литвины, поляки, болгары, сербы, нѣмцы, евреи—одинъ чловѣкъ!»

Пироговъ самъ объясняетъ, чѣмъ онъ завоевалъ симпатіи молодежи:

„Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее“.

9 апрѣля 1861 г. Кіевскими общественными дѣятелями устроено было прощальное чествованіе уѣзжавшаго Пирогова, на которое собралось до 120 чел.



Въ своей рѣчи Н. И. Пироговъ между прочимъ, высказаль: «Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ рассчитывать ни на себя, ни на другихъ». «Я зналъ, что, гдѣ существуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволь съ его волнующими слѣдствіями» (стр. 826).

Въ отвѣтъ произнесено было много рѣчей и въ заключительной рѣчи проф. Шульгинъ сказаль, обращаясь къ Н. И. Пирогову: «Вы украшены титуломъ превосходительства. Рѣдко кто изъ насъ называль Васъ этимъ титуломъ. Теперь на прощаньи громко и смѣло скажу, что другого титула Вамъ нѣтъ и быть не можетъ. Вы превосходите, какъ человѣкъ, многихъ и многихъ людей у насъ на Руси, гдѣ еще съ діогеновымъ фонаремъ, среди бѣла дня нужно искать человѣка». «Оставьте намъ духъ Вашъ,—заканчиваетъ Шульгинъ,—Ваши стремленія, Вашу высокую человѣчность и гражданскую доблесть, непреклонно устоявшую среди всѣхъ препятствій».

Тогда-же на прощальномъ обѣдѣ была собрана сумма въ честь Пирогова, который пожелаль, чтобы собранная сумма употреблена была въ видѣ преміи за сочиненіе на тему: изложить сравнительно-историческій ходъ университетскаго образованія въ западной Европѣ и въ Россіи и составить подробную исторію всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Кіевскаго и Одесскаго учебныхъ округовъ.

Студенты Кіевскаго университета въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ, по подпискѣ, устроили въ зданіи университета бесплатную начальную школу.

Когда Н. И. Пироговъ уѣзжалъ изъ Кіева, провожать его за городъ собралось до 800 чел.

---

Н. И. Пироговъ въ апрѣлѣ 1861 г. уѣзжалъ въ свое, только-что имъ купленное, имѣнье—Вишню, Винницкаго уѣзда, Подольской губ., гдѣ занялся хозяйствомъ и частной хирургической практикой, а вскорѣ принялъ и выборъ въ мировые посредники.

Свои взгляды, какъ хозяина и мирового посредника, Пироговъ изложилъ въ двухъ „Письмахъ“, возбудившихъ большую полемику: „Письмо изъ Каменецъ-Подольской губерніи мирового посредника Винницкаго уѣзда“ и „Разговоръ мирового посредника о крестьянскомъ дѣлѣ съ любопытнымъ и недовольнымъ“.

Недолго пришлось Н. И. Пирогову оставаться въ своемъ имѣніи: чрезъ годъ, въ 1862 г., новый министр народнаго просвѣщенія Головинъ предложилъ ему отправиться на 4 года „для исполненія разныхъ трудовъ по учебной и педагогической части“ за границу и руководить тамъ молодыми русскими учеными, командированными за границу для усовершенствованія, въ цѣляхъ приготовленія къ профессорскому званію. Эта командировка была вполнѣ по душѣ Н. И. Пирогову и онъ отдался новымъ своимъ обязанностямъ съ присущей ему энергіей и воодушевленіемъ, служба, по выраженію бывшаго тогда за границей, позднѣе — профессора Казанскаго университета, Н. О. Ковалевскаго, для русской ученой молодежи не формальнымъ руководителемъ, а скорѣе живымъ образцомъ, воплощеннымъ идеаломъ. Пироговъ успѣлъ осмотрѣть 25 заграничныхъ университетовъ, гдѣ разсѣяны были будущіе русскіе профессора, и свои наблюденія представилъ въ интересныхъ отчетахъ Министерству и въ письмахъ изъ Гейдельберга 1863 и 1864 г.г. по поводу занятій русскихъ молодыхъ ученыхъ за границей. Въ высокой степени интересны и поучительны эти письма изъ Гейдельберга: въ нихъ Н. И. Пироговъ со свойственными ему откровенностью и блестящимъ юморомъ и остроуміемъ высказывается о развитіи и современномъ состояніи медицины въ Германіи и у насъ, о наукѣ по отношенію къ государству и религіи, о профессурѣ и студенчествѣ, и т. под.

Въ журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія, въ статьѣ о заграничномъ профессорскомъ институтѣ въ одномъ мѣстѣ говорится: „Его (Пирогова) отзывы имѣютъ для насъ особое значеніе, потому-что едва-ли найдется въ Россіи одинъ благомыслящій человекъ, который бы рѣшилъ усомниться въ правдивости того, о чемъ свидѣтельствуетъ Н. И. Пироговъ“.

Пироговъ имѣлъ большое вліяніе на ходъ занятій будущихъ русскихъ профессоровъ и педагоговъ.

Подъ его наблюденіемъ и руководствомъ были не одни медики и натуралисты, но и филологи и юристы, которые также встрѣчали въ Н. И. Пироговѣ опытнаго и внимательнаго руководителя.

Между прочимъ, живя за границей, Н. И. Пироговъ сыгралъ большую роль въ жизни нашего другаго знаменитаго соотечественника—И. И. Мечникова.

«Тотчасъ по окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ въ 1864 г., я,—разсказываетъ самъ Мечниковъ,—поѣхалъ за границу для усовершенствованія своихъ знаній въ зоологіи. Какъ разъ въ это время состоялся въ г. Гиссенѣ съѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, на который собрался весь цвѣтъ нѣмецкаго естествознанія.» Приѣхалъ на съѣздъ и онъ—Мечниковъ. «Знакомство съ проф. Лейкартомъ,

самымъ знаменитымъ зоологомъ того времени, и другими зоологами вселило во мнѣ,—говорить Мечниковъ,—пламенное желаніе остаться въ Германіи; но этого нельзя было сдѣлать, за неимѣніемъ средствъ, такъ какъ онъ не могъ рассчитывать ни на помощь родителей, ни на командировку отъ министерства народнаго просвѣщенія. Проф. Лейкартъ, узнавъ объ этомъ, предложилъ Мечникову обратиться къ Пирогову, котораго Лейкартъ зналъ лично и который, живя теперь за границей, по порученію министерства народнаго просвѣщенія, ведетъ наблюденіе за молодыми русскими учеными, командированными министерствомъ за границу для приготовленія къ профессурѣ.

Н. И. Пироговъ отнесся съ большимъ вниманіемъ къ рекомендаціи Лейкарта и выхлопоталъ Мечникову стипендію министерства народнаго просвѣщенія на два года. Благодаря Николаю Ивановичу, я,—разсказываетъ Мечниковъ,—получилъ возможность спокойно предаться научной работѣ и въ тоже время я поступилъ въ число поднадзорныхъ ему молодыхъ ученыхъ. Въ качествѣ такового, я долженъ былъ лично явиться къ Н. И. Пирогову и отдать отчетъ о своей научной дѣятельности.

Во время нашего свиданія,—разсказываетъ Мечниковъ,—состоявшая осенью 1865 г. въ Неаполѣ, Пироговъ выказалъ себя не начальникомъ, а добрейшимъ руководителемъ, симпатичный характеръ котораго запечатлѣлся у меня на всю жизнь.—Послѣ неапольскаго свиданія мнѣ,—заканчивая письмо въ редакцію «Русскаго Слова»<sup>1)</sup> изъ Севра отъ 4 ноября 1910 г, говоритъ Мечниковъ,—ни разу не удалось больше встрѣтиться съ Николаемъ Ивановичемъ.»

Имѣя „довольно времени,“ находясь за границей, Н. И. Пироговъ принялъ предложеніе одного лейпцигскаго издателя-книгопродавца и принялся за разработку собраннаго при осадѣ Севастополя матеріала, результатомъ чего было изданіе солиднаго труда: „Основы общей военно-полевой хирургіи.“ Это было въ 1863 году, когда въ Германіи готовились къ Голштинской войнѣ, вслѣдствіе чего напечатанная (на нѣмецк. яз.) въ 1863—1864 г. книга Пирогова приобрѣла огромное значеніе. Вскорѣ затѣмъ Пироговъ получилъ предложеніе и отъ нашего военно-медицинскаго вѣдомства, чрезъ директора департамента Цицурина, заняться изданіемъ руководства на русскомъ языкѣ.

Принявъ предложеніе, Пироговъ издалъ въ 1865 и 1866 годахъ, въ двухъ частяхъ, „Начала общей военно-полевой хирургіи,“ взятая изъ наблюденій военно-госпитальной практикы и воспоминаній о Крымской войнѣ и Кавказской экспедиціи.“

Въ этой поучительной книгѣ, ставшей настольной для всѣхъ хирурговъ того времени, Пироговъ изложилъ свой взглядъ на гос-

\*) .... отъ 13 ноября 1910 г. № 262.

питали, медицинскую администрацію, перевязочные пункты и лѣченіе ранъ. Предложенная имъ система разсѣянія раненныхъ и энергическій протестъ противъ большихъ госпиталей произвели глубокое впечатлѣніе и за границей. Въ этой же книгѣ Ник. Ив — чѣ изложили идеаль Общества Краснаго Креста прежде, чѣмъ оно открыло свои дѣйствія, а предложенный Пироговымъ нейтралитетъ врачей обѣихъ воюющихъ сторонъ и до сихъ поръ не осуществленъ.— Въ дѣлахъ противогнилостнаго лѣченія ранъ, о чемъ тогда еще мало думали, Пироговъ ввелъ орошеніе ранъ, замѣнивъ губки чайниками съ водою; изгналъ всѣ ператы, мази и липкіе пластыри и ввелъ въ употребленіе только одни противогнилостные растворы; старался изгнать и корпію.— Подробно описана въ книгѣ и впервые введенная Пироговымъ на войнѣ неподвижная гипсовая повязка для раненныхъ.

Еще въ началѣ 1850-хъ годовъ и затѣмъ въ 1863 г. Пироговъ „утверждалъ, основываясь на массѣ наблюденій, что піэмія—этотъ бичъ госпитальной хирургіи съ разными ея спутниками (острогноиннымъ отекомъ, злокачественной рожей, дифтеритомъ и т. под.)— есть процессъ броженія, развивающійся изъ вошедшихъ въ кровь или образовавшихся въ крови ферментовъ, и желалъ госпиталямъ своего Пастера для точнаго изслѣдованія этихъ ферментовъ. Блестящіе успѣхи антисептическаго леченія ранъ и Листеровской повязки подтвердили, какъ нельзя лучше, мое ученіе, говоритъ Пироговъ въ своей автобіографіи.

„Я вѣрю въ гигиену. Будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной. Эта наука, идя рука объ руку съ государственной, принесетъ несомнѣнную пользу человѣку“,— пророчески говоритъ Н. И. Пироговъ 50 лѣтъ назадъ!

«Прилипчивость рожъ, піэмій и госпитальной «нечистоты» во многихъ случаяхъ очевидна,—говоритъ въ той же книгѣ Пироговъ,—а источники зараженія заключаются въ загрязненныхъ корпіи, матрацахъ, инструментахъ. Сколько въ корпіи,—говоритъ Пироговъ,—яиць, грибовъ и разныхъ споръ! Можно скорѣе оставить раненныхъ безъ госпиталей, чѣмъ безъ чистыхъ матрацовъ. Нужно зорко слѣдить, говоритъ Пироговъ, за тѣмъ, что бы служители, изъ лѣности, вмѣсто сжиганія старой соломы изъ матрацныхъ мѣшковъ гангренознаго и піэмическаго отдѣленій, не смѣшали ее съ новой».

Пироговъ настоятельно указываетъ на необходимость устройства особыхъ отдѣленій для «зараженныхъ госпитальными міазмами».

«Сущность піэмій и септикэмій приведется къ одному и тому же знаменателю—къ невѣдомому иксу,—ферменту, заражающему кровь».

— «Солдатскія палатки хороши,—говорить Пироговъ,—только для выздоравливающихъ и для раненыхъ не тяжело».

— «Между многими невыгодами помѣщенія раненыхъ въ казармахъ и казематахъ есть одна также не малая, это лежанье на нарахъ, которыя не менѣе сводовъ и блиндажей препятствуютъ очищенію воздуха и служатъ источникомъ страшной нечистоты».

— Въ Севастопольскую войну,—сообщаетъ Пироговъ,—при пулевыхъ ранѣхъ не было случая, гдѣ-бы требовалась тотчасъ же, по причинѣ первичнаго кровотеченія, перевязка большой артеріи на перевязочномъ пунктѣ; не было и ни одной травматической аневризмы.—При раненіяхъ большими огнестрѣльными снарядами большинство умираетъ отъ кровотеченій на мѣстѣ и статистика Беллингеля (75%) не преувеличена. У приносившихся на перевязочные пункты раненыхъ съ оторванными и совершенно разможженными членами большіе артеріальные стволы лежали открытыми въ ранахъ и перебитыми, но кровотеченія уже не было. Доступныхъ наблюденію кровотеченій—отъ 4% до 10% всѣхъ значительныхъ огнестрѣльныхъ поврежденій».

— За 7 мѣсяцевъ пребыванія въ Севастополѣ Пироговъ наблюдалъ болѣе 2000 ампутацій и до 300 сдѣлано было резекцій.

— Любимымъ перевязочнымъ средствомъ Пирогова при свѣжихъ ранахъ была теплая вода или ромашковая вода, а при гнойныхъ или гнилостныхъ—хлорная вода съ ромашковымъ чаемъ или 2%-ый растворъ хлористой извести съ камфарнымъ спиртомъ.—Мази уже болѣе 20 лѣтъ какъ замѣнилъ онъ примочками и исключительно—почти при всѣхъ гранулирующихъ ранахъ—примѣнялъ впервые введенные имъ растворы азотнокислаго серебра (мяписа) отъ 1/5% до 10%; иногда примѣнялась настойка іода.

Противъ развитія гнойнаго зараженія антисептика, въ видѣ вприскиваній (въ полость гнойныхъ или гнилостныхъ ранъ), разумѣется,—говорить Пироговъ,—также необходимы».

— «Мы пробовали въ Крыму,—разсказываетъ Пироговъ,—выкуриванія хлоромъ и вымыванія стѣнъ и половъ даже совершенно опорожненнаго госпиталя, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, но только съ временнымъ успѣхомъ». «Важнѣе и необходимѣе уничтоженіе зараженныхъ вещей: матрацевъ, грязныхъ бинтовъ, корпіи и т. под.; полезнѣе и изолированіе зараженныхъ больныхъ въ другой отдаленный госпиталь».

— „Война,—говорить Пироговъ,—это травматическая эпидемія...“  
„Я убѣжденъ изъ опыта, что къ достиженію благихъ результатовъ въ военно-полевыхъ госпиталяхъ необходима не столько научная

хирургія и врачебное искусство, сколько дѣльная и хорошо учрежденная администрація“. „При хаотическомъ скучиваніи“ на перевязочныхъ пунктахъ раненыхъ, врачъ прежде всего долженъ дѣйствовать административно: заняться сортировкой раненыхъ, распределить работу между медицинскимъ персоналомъ, а потомъ уже дѣйствовать „врачебно“; „а то онъ совсѣмъ растеряется и ни голова его, ни руки не окажутъ помощи“.

— „Главный представитель врачебно-административной дѣятельности въ дѣйствующей арміи есть, съ одной стороны, лицо, слишкомъ зависимое отъ чисто-военной администраціи, а съ другой—слишкомъ неограниченное въ отношеніи подвѣдомственныхъ ему врачей“. — „Вся провіантская администрація въ арміи гораздо самостоятельнѣе врачебной“.

— „По прусскому регламенту полагается, чтобы вмѣстѣ съ войсками шель въ огонь и батальонный врачъ. Какую онъ тамъ можетъ принести пользу? Во время большой войны бываетъ всегда недостатокъ во врачахъ. Надежнѣе и полезнѣе для большей части раненыхъ выносить ихъ какъ можно скорѣе изъ линіи (огня) и не подвергать задержкой новой опасности, предоставивъ однимъ носильщикамъ (изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, на 20 долженъ быть одинъ фельдшеръ) оказывать безотлагательную помощь, накладывать турникеты и придавливать пальцемъ раненую артерію.“

— «На перевязочныхъ пунктахъ сестры милосердія должны раздавать, по указанію врачей, успокаивающія и оживляющія средства: вино, теплый чай, бульонъ и т. под.; женскій привѣтъ и женскій уходъ, въ этихъ случаяхъ, ничѣмъ не замѣнимы».

«Всѣ безпристрастные врачи,—говоритъ Пироговъ въ 1866 г.,—отдаютъ полную справедливость женскому сердоболію, проявившемуся въ неслыханныхъ до селѣ размѣрахъ въ послѣднія войны».

Въ Крымскую войну часто наши «сестры милосердія» дѣлались жертвами своего призванія. Въ Пруссіи и Америкѣ (въ голштинской 1864 г. и американской—послѣднихъ войнахъ) женщины принимали также самое теплое участіе въ судьбѣ раненыхъ. Въ Голштиніи и Шлезвигѣ помогали, въ лазаретахъ до 85 сестеръ (католичекъ и протестантокъ). Кругъ ихъ дѣйствія однако же былъ болѣе ограниченъ, чѣмъ нашихъ сестеръ во время крымской кампаніи. Мы рады были,—говоритъ Пироговъ,—когда наши сестры, вмѣшивались,—если не прямо, то косвенно,—въ госпитально-экономическую администрацію. И не только врачи, многіе военачальники желали этого. А въ Пруссіи госпитальные врачи настаиваютъ, какъ это видно изъ книги Охвядта (1865 г.),

чтобы дѣятельность сестеръ въ госпиталяхъ была тщательно разграничена и имъ строго бы было воспрещено вступаться въ дѣла госпитальной администраціи. Тутъ много значить,—замѣчаетъ Пироговъ,—чисто-духовный (орденскій) характеръ сестеръ. Онѣ имѣютъ и хорошую и худую сторону. Хорошая сторона нашихъ сестеръ, отличающая ихъ отъ орденскихъ (духовныхъ),—та, что онѣ—наши сестры—менѣе склонны интриговать, вкрадываться въ довѣріе больныхъ, вооружать больныхъ противъ врачей, дѣлать прозелитовъ и т. п. Поэтому не мудрено,—замѣчаетъ Пироговъ,—что на Западѣ многіе врачи не очень расположены къ женской помощи въ госпиталяхъ».

Какъ популярно было имя Пирогова и за границей и какъ великъ былъ авторитетъ его и тамъ, можно видѣть изъ „надѣлавшей столько шуму въ Европѣ“ исторіи съ раненіемъ въ 1862 г. ноги знаменитаго итальянца Гарибальди:

«Цѣлыхъ два мѣсяца самые опытные итальянскіе, англійскіе и французскіе хирурги не могли рѣшить навѣрное: заключала-ли въ себѣ незаживавшая рана ноги Гарибальди пулю или нѣтъ»; пригласили Пирогова и онъ на основаніи одного наружнаго изслѣдованія раны ноги, безъ зондированія ея, высказалъ, что пуля лежитъ въ кости (ближе къ наружному мышцелку большого берца), и «чрезъ 26 дней, послѣ предварительнаго, постепеннаго, расширенія раны, легко извлекъ сплюсненную пулю».

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

---